

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Экран и сцена. - 1991 - 20 июня (№ 25) - с. 5

Признаюсь, впрочем, откровенно: я ждал этого вечера давно. И если вы спросите, почему, отвечу: это был первый в Москве вечерний, то есть солидно самостоятельный концерт Владимира Понькина, дирижера, уже не один и не два года известного во многих странах. К примеру, несколько сезонов он проработал, подумайте только, в Австралии! До сих пор ему «доверяли» здесь лишь дневные концерты для детей (что, безусловно, хорошо для детей, но недостаточно для обретения соответствующей его таланту известности) и премьеры сочинений молодых советских композиторов (что приносит, хоть и не всегда, признательность авторов и очень редко влечет за собой признание публики). Но не для того я взялся за перо, чтобы будоражить ум читателя рассказом о еще одной трудной судьбе нашего соотечественника. Хочу лишь поделиться радостью от того, что долгое ожидание было не напрасным. Понькин раскрылся перед столичной публикой с самой лучшей стороны, обещающей ему несомненно прочную славу одного из лучших дирижеров его поколения.

Всего лишь год руководит Владимир Александрович Государственным малым симфони-

но если Понькину удастся закрепить этот успех, корни его будут скрываться именно в его способности заражать своим энтузиазмом окружающих музыкантов. Собственно, это и есть тайна дирижерского гения и то магическое качество, которое заставляло меломанов первой половины XX века молиться на великих дирижеров-романтиков, чье время, казалось, прошло. Наши метры еще умеют зажигаться и зажигать своим вдохновением (вспомним редкие ныне концерты Светланова, вспомним недавнее юбилейное выступление Рождественского!), следующие поколения почти забыли об этом или вспоминают лишь наедине с собой. И, увы, восхваляя Понькина, я отдаю себе отчет в том, что, быть может, оказываю ему медвежью услугу, пробуждая зависть его коллег. Но нельзя же бесконечно молчать, оберегая покой действующих лиц нашей концертной жизни. Воздадим должное таланту! И постараемся держать планку требований высоко, ведь рынок придет когда-нибудь и в искусство, и умение создавать рекламу уступит место подлинному мастерству!

Второй фортепианный концерт Чайковского не звучал на моей памяти столь завораживаю-

У меня нет фотографии этого концерта — его не почтили своим присутствием фоторепортеры. Да и радио записало его только по той причине, что это был завершающий вечер сезона. В общем, мало кто предполагал, что идет на «событие». Но, поверьте, Концертный зал имени Чайковского давно не служил местом столь значительного праздника.

ческим оркестром. У оркестра тяжелое прошлое, он несколько раз был на грани развала. Если вы видели фильм Феллини «Репетиция оркестра», то знаете, что такое взаимоотношения оркестра и дирижера, и могли бы оценить ту атмосферу священнодействия, которая царила во время концерта Понькина. Звучал Чайковский — естественно, красиво. Оркестр в едином порыве слушался весьма простых пожеланий дирижера. (Сейчас, когда большинство его коллег все «делают» на репетиции, а на концерте печатают «позитивный» снимок с «негатива» репетиции — то есть один к одному, слышать живое, сиюминутное творчество — бальзам на сердце). Вообще сердечность искусства Понькина поразительно несовременна и удивляет. Мы уже забыли, что музыка должна звучать не только чисто, «перфектно» (совершенно, как на компакт-диске), но и трогая душу, заставляя радоваться до улыбки, печалиться до слез.

Проработанность деталей, слаженность ансамбля, согласованность действий музыкантов, приученных не только повиноваться палочке дирижера, но и слушать друг друга, — качества редкие. Понькин некогда пытался добиться того же, работая с Ярославским оркестром. Это его программная установка — превратить оркестр в единый коллектив, где различный уровень подготовки не влияет на взаимоотношения, а различные характеры не отражаются на увлеченности общим делом. Привить любовь к музыке и труду — как это ни парадоксально звучит — почти невыполнимо сегодня предприятие. Возможно, я опережаю события,

Запланированная сенсация

ще — как мудрая лирическая поэма, богатая жанровыми инкрустациями, но все же в первую очередь не виртуозная конкурсная пьеса, а симфоническая песня. Пианист А. Диев раскрылся в сольной партии как тонко чувствующий искренний музыкант, которому одинаково подвластны и бисерная техника пассажей, и раздольная певучесть мелодии. Его диалог с оркестром был выше всех похвал, к примеру, во второй части — со скрипкой и виолончелью, или в первой и третьей частях — с флейтами. Передача музыкальной мысли от оркестра к солисту и наоборот — проблема колоссальной трудности, и какое же наслаждение внимать их диалогу, когда эту проблему просто не ощущаешь. Никто не боится вступить врозь или заглушить один другого — этого не происходит вообще, просто потому, что они в этот момент (не побоимся простых слов) любят друг друга.

Шестая симфония, одно из самых трагических творений человека, нередко исполняется как сплошной поток стенований или же, напротив, трактуется как «чистая» музыка, как если бы Чайковский сочинил ее не на свою собственную смерть. Понькину удалось найти золотую середину — не жертвуя сердечной заду-

шевностью, соотнести все необходимые кульминационные точки, оживить рациональную, строго продуманную формальную конструкцию произведения. К примеру, он точно рассчитал краткую паузу между третьей и четвертой частями, спокойно и уверенно добавил необходимые отклонения темпа, не предписанные автором в первой части и в финале, выделил смертный стук литавр во второй части и т. д., и т. п. Обдумывая его трактовку, я было решил, что он стремится отойти от сентиментальности в пользу мужественности — то есть не дать мне, слушателю, расплакаться, иначе говоря, встретить смерть (рок, фатум), не избегая ее взгляда, а лицом к лицу (такая трактовка вполне приемлема, с ней можно встретиться в европейских концертных залах). Когда я поделился с дирижером моим предположением, он тут же возразил — нет, ему хотелось бы заставить слушателя пролить слезу, и объяснил, почему на этот раз у него это не получилось. И знаете, мне приятно, что я ошибся в моем стремлении «объяснить» услышанное — это значит, что Понькин строго контролирует себя. У него большое будущее.

Григорий ПАНТИЕЛЕВ.